

Началось лето

**Абрамов
Федор Александрович**

Вдали глухо бухнуло — темные тяжелые тучи ползли на деревню. Они ползли медленно, грозно клубясь и властно разрастаясь до самого горизонта.

В деревне стало темно и немо. Даже скотина притихла в ожидании. И вдруг оглушительный грохот сотряс землю. По всей деревне захлопали двери, ворота. Люди выбегали на улицу, ставили ушаты под потоки и под проливным дождем радостно перекликались друг с другом. По лужам, как жеребята, носились босоногие ребятишки, началось короткое северное лето.

Утренне лучи

Ушинский Константин Дмитриевич

Выплыло на небо красное солнышко и стало
рассылать повсюду свои золотые лучи —
будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка.
Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнездышка,
поднялся высоко, высоко и запел свою серебряную
песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем
воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передернул ушами
зайчик и весело запрыгал по росистому лугу:
побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал
крыльями и запел: ку-ка-ре-ку! Куры слетели с
нашестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков
искать. Четвертый луч попал в улей. Выползла пчелка из
восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья
и — зум-зум-зум! — полетела собирать медок с
душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому
лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на
другой бок и опять заснул.

Лес шумит

Короленко Владимир Галактионович

Лес шумит....

В этом лесу всегда стоял шум — ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов, как неясное воспоминание о прошедшем. В нем всегда стоял шум, потому что это был старый, дремучий бор, которого не касались еще пила и топор лесного барышника. Высокие столетние сосны с красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь полог сосновых игл, которыми была усыпана почва, пробивались яркие папоротники, пышно раскинувшиеся причудливою бахромой и стоявшие неподвижно, не шелохнув листом. В сырых уголках тянулись высокими стеблями зеленые травы; белая кашка склонялась отяжелевшими головками, как будто в тихой истоме. А вверху, без конца и перерыва, тянул лесной шум, точно смутные вздохи старого бора.

Летние грозы

**Паустовский
Константин Георгиевич**

Летние грозы проходят над землей и падают за горизонт. Молнии то с размаху бьют в землю прямым ударом, то полыхают на черных тучах.

Радуга сверкает над сырой далью. Гром перекатывается, грохочет, ворчит, рокочет, встряхивает землю.

На поле летом

Ушинский Константин Дмитриевич

Весело на поле, привольно на широком! До синей полосы далекого леса точно бегут по холмам разноцветные нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхает она крепительный воздух. Синее молодой овес; белеет цветущая гречиха с красными стебельками, с бело-розовыми, медовыми цветочками. Подальше от дороги запрятался кудрявый горох, а за ним бледно-зеленая полоска льна с голубоватыми глазками. На другой стороне дороги чернеют поля под струящимся паром.

Жаворонок трепещется над рожью, а острокрылый орел зорко смотрит с вышины: видит он и крикливую перепелку в густой ржи, видит он и полевую мышку, как она спешит в свою нору с зернышком, упавшим из спелого колоса. Повсюду трещат сотни невидимых кузнечиков.

Летний вечер

Толстой Алексей Николаевич

В далекой и бледной глубине неба только что проступали звездочки; на западе еще алело — там и небосклон казался ясней и чище; полукруг луны блестел золотом сквозь черную сетку плакучей березы. Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные мрачные громады. Ни один листок не шевелился; верхние ветки сиреней и акаций как будто прислушивались к чему-то и вытягивались в теплом воздухе. Дом темнел вблизи; пятнами красноватого света рисовались на нем освещенные длинные тени. Кроток и тих был вечер; но сдержанный, страстный вздох чудился в этой тишине.

Моя Россия

Паустовский Константин Георгиевич

С этого лета я навсегда и всем сердцем привязался к Средней России. Я не знаю страны, обладающей такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной — со всей своей грустью, спокойствием и простором, — как средняя полоса России. Величину этой любви трудно измерить. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, поникшую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из летнего колодца, каждое деревце над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха, каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу. И если мне иногда хочется жить до ста двадцати лет, как предсказывал дед Нечипор, то только потому, что мало одной жизни, чтобы испытать до конца все очарование и всю исцеляющую силу нашей среднеуральской природы.